

ФЕДОР ТЮТЧЕВ

Я ВСТРЕТИЛ ВАС...

ПОЧЕМУ БЕССМЕРТНЫ СТИХИ ЧЕЛОВЕКА, НЕ СЧИТАВШЕГО СЕБЯ ПОЭТОМ

Я

Я миллион раз проходил мимо этого дома. Невский, 42. Самое шумное место Петербурга. Но если правда, что время не исчезает и у вас есть хоть чуточка слуха, вы рано или поздно услышите здесь прелестный женский голос, который каждый день уже более 150 лет произносит одну и ту же фразу:

«Любимый! Накинь плед. Я тебе помогу!...»

Этими словами там, на четвертом этаже дома, провожала на ежедневную прогулку седая красавица седого растрепанного старика. Красавицу звали Эрнестина, а старика — Федором Тютчевым.

*
Федор Тютчев
(1803–1873).

АМАЛИЯ НА ВСЮ ЖИЗНЬ ОСТАНЕТСЯ ДОБРЫМ АНГЕЛОМ ПОЭТА.
НЕ РАЗ БУДЕТ ВЫРУЧАТЬ ЕГО, ПЕРВОЙ ОТВЕЗЕТ ПУШКИНУ СТИХИ
ТЮТЧЕВА, А ОДНАЖДЫ СПАСЕТ ЕДВА ЛИ НЕ ОТ СИБИРИ

Разочарованный чаровник

В это трудно поверить, но здесь, прямо на Невском, стояла тогда любимая скамья поэта, где он любил посидеть, погреться на солнце, почитать газеты. Но главное — насладиться шумной толпой, спешащей мимо. Этим вечным театром по имени Жизнь.

«Его не привлекали ни богатство, ни почесты, ни даже слава, — напишет о Тютчеве князь Багратин. — Самым глубоким, самым заветным его наслаждением было наблюдать зрелище, которое представляет мир». А другой князь,

*2

Амалия Лерхенфельд (1808–1888), которой посвящены строки «Я встретил вас...»

Долгоруков, словно добавит: «Есть люди неподкупные, но которыми можно завладеть нежностью, ласками, лестью... Федор Иванович принадлежит к числу людей... которых купить нельзя, а приобрести можно...»

Ну, ну! Приобрести?! Его, самого свободного человека в несвободной стране, вольное сердце среди сердец, скованных обычаями? Не знаю. У Тютчева, например, было 2 жены, от коих было 6 детей, 2 долгих связи, от которых было еще 5 детей, и кроме того — 4 романа.

Но ни одна из этих женщин не могла бы, думаю, сказать: он мой — только мой.

«Любимый» — именно так звала его под конец жизни вторая жена — Эристина. Еще звала мужа «чаровник». Но брату в Германию напишет иначе: «Это человек разочарований». Не странно ли? Очаровывал других, но сам всякий раз терпел разочарование. Какой-то разочарованный чаровник!

Он нанимал квартиру в этом доме в 1854 году и проживет здесь без малого два десятка лет. Эристина, своей Нести, написал, что она может теперь, как хотела, — «парить на высоте над докучной толпой». Парила! Но ведь и сам, живя здесь, взлетел как никогда — выше не бывает! Действительный тайный советник, то есть третья, а фактически вторая ступень в иерархии (далее шел только канцлер), три ордена (таких наград после Державина не получал ни один поэт), камергер, личный друг царя.

Но, с другой стороны, как пишет уже наш современник: незадачливый дипломат, так и не ставший послом; пророк, чьи вещанья так и не пригодились обществу; поэт, издавший при жизни два небольших сборника, да и то вопреки собственным желаниям (он писал, что ни видит проку «в гальванизированной лире» своей); политик и философ, который так и не нашел время привести в систему свои воззрения и, наконец, любовник и муж, приносящий женщинам, увы, одни несчастья.

Загадок в жизни его множество.

Но одну по крайней мере — почему его так любили женщины? — мы попробуем разгадать...

Первая любовь

Окна кабинета Тютчева выходили на Невский. Известно: там стояло «длинное кресло», в котором он спасался от подагры, камин, перестроенный из печки, а на столе — самодельная икона «Взыскание погибших». «Самодельная» потому, что писал ее дядька-слуга поэта — Николай Хлопов, который «ходил» за ним с четырех лет. Перед смертью завещал ее Тютчеву, а на тыльной стороне по углам простирали памятные обрамленные даты: когда приехал впервые в Петербург, когда оказались в Баварии, да когда поэт получил звание камер-хантера.

Но в одном углу написал нечто загадочное: «Генваря 19-го, 1825 г. Федор Иванович должен помнить, что случилось в Мюнхене от его нескромности и какая грозила опасность».

Речь шла, представьте, о девушке, почти девочке, встреченной двадцатилетним служащим русского посольства в Германии, и, по глухим сведениям, о несостоявшейся дуэли из-за нее. Именно про эту девушку и именно Хлопов донесет матери поэта в Москву, что Феденька обменялся с нею шейными цепочками и «вместо своей золотой получил в обмен только шелковую». Прогадал то биши.

Но знал бы Хлопов, что она, первая любовь поэта, 15-летняя графиня Амалия Лерхенфельд, станет, рискну сказать, возможно, единственной любовью Тютчева...

Через год именно ей, внебрачной дочери короля Фридриха-Вильгельма III, побочной сестре русской императрицы, одной из первых красавиц Европы, которой будут восхищаться Гейне и Пушкин, в которую скоро влюбятся Николай I и баварский король Людвиг I, двадцатилетний Тютчев сделает предложение. Она, влюбленная в него без ума, согласится, но восстанет ее родня; ей «подберут» мужа — тоже

дипломата, сослуживца поэта, «пожитого» уже барона Крюденера, с которым у остроумного наглеца Тютчева едва не испыхнет дузль.

А Амалия? Амалия на всю жизнь останется добрым ангелом поэта. Не раз будет выручать его, первой отвезет Пушкину стихи Тютчева, которые станут по сути первой публикацией, а однажды спасет поэта едва ли не от Сибири. Это ведь про нее у него, уже женатого вторично, вырвается как-то в письме: «После России это моя самая давняя любовь». И это она через полнека придет на Невский к парализованному уже поэту проститься. За три месяца до смерти его.

И поэт... расплачется.

Свадебные колокола

Первая жена Тютчева Элеонора попытается заколоть себя маскарадным кинжалом. Несколько ударов в грудь. Это случится в Мюнхене, где Тютчев из низайших должностях служил тогда в русском посольстве. Вся в крови она выскочит на городскую площадь и, прежде чем упасть, пробежит почти 300 шагов.

Элеонора Петерсон, урожденная графиня Ботмер, была лютеранкой (из-за чего брак был почти тайным), была старше поэта, он взял ее вдовой с четырьмя детьми, но она так влюбится в него, что фактически бросит их. Гейне писал о ней: «не очень молодая», но «бесконечно очаровательная, состоящая в тайном браке с молодым русским дипломатом и моим лучшим другом Тютчевым».

Но вот любил ли ее 22-летний Тютчев? Ту, которая родила ему трех дочерей, из-за скорой

*3
Дочери — Анна,
Дарья, Екатерина.
Мюнхен.
1843 год.

ДА, ПОЭТОМ СЕБЯ НЕ СЧИТАЛ. И, ВОЗМОЖНО, ЭТО ГЛАВНАЯ ЗАГАДКА ЕГО. БОЛЕЕ ТОГО, НЕНАВИДЕЛ ЦАРАПАТЬ ПЕРОМ ПО БУМАГЕ:
«АХ, ПИСАНИЕ СТРАШНОЕ ЗЛО, ГРЕХОПАДЕНИЕ СВЕТЛОГО РАЗУМА»

Фото: Википедия

*4
Элеонора Федоровна
Тютчева, первая жена
(1800–1838).

Фото: Википедия

*5
Эрнестина Федоровна
Тютчева, вторая жена
(1810–1894).

Фото: Википедия

смерти которой он в одну ночь поседеет и кого после смерти назовет «утраченным раем»? Не знаю. Знаю, что как-то обмолвится, что любовь любой женщины не просто удивила — изумила его. «Меня... и любить?»

Не потому ли чувства его были порой сродни благодарности женщине.

Это, впрочем, догадка, тайна. Не тайна, что в русской колонии Мюнхена и кинжал, и женщина в окровавленном платье вызвали шок. Крах карьеры Тютчева был неминуем. Тем более что все знали: у женатого поэта вот уже третий год длится роман с черноглавой красавицей Эрнестиной Дёриберг. Из-за нее, считали, Элеонора и отыскала в столе тот самый кинжал. Так вот, это странно, но ни отставки, ни отзыва в Россию, ни даже серьезного расследования учинено не было.

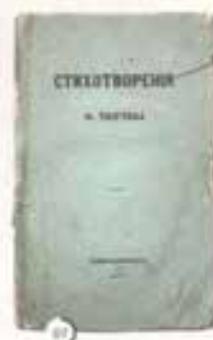
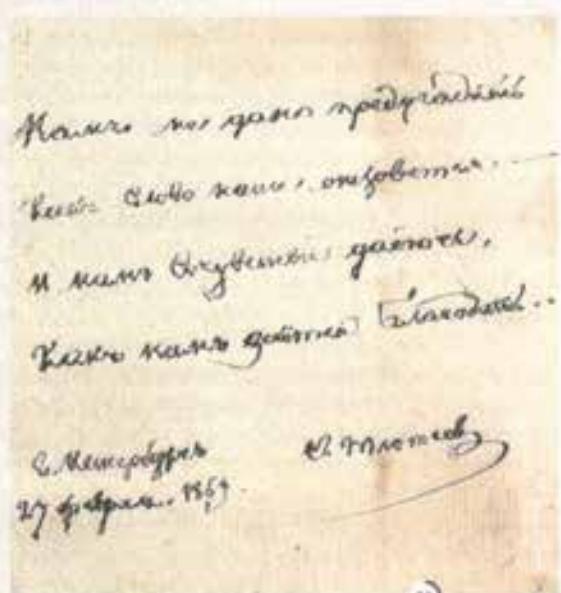
Более того: скоро в любовной круговороте поэт не только бросит представительство в Турине, запрет его на ключ и самовольно уедет в Швейцарию, но в суматохе потеряет важные документы, чуть ли не шифры посольские. За подобное преступление не только могли под суд отдать — в Сибирь сослать. Но — новое «чудо»: это тоже сошло «счастливчику» с рук. Почему? — ахнул русский дипкорпус. И если в «истории с кинжалом» имелась жена крупного русского дипломата баронессы Крюденер (а за дело — та самая девочка Амалия, его первая любовь, ставшая женой Крюденера), то из второй, прямо скажем, отчаянной «истории с шифрами» поэта, видимо, спасет сам наследник престола, будущий Александр II.

Это, разумеется, и ныне тайна, так всего лишь предполагают историки: Тютчева с наследником свел Жуковский, воспитатель цесаревича — они вместе прибыли в Италию. Но факт остается фактом: вместо Сибири поэту не только возвратят отобранные звания камер-гера, но представят вдруг к новому чину — коллежского советника, что в армии равнялось званию полковника.

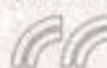
Когда-то, задолго до этого, в Москве, родители Тютчева заспорили с Жуковским о счастье. И тот оставил в дневнике одну строку: «Обедал у Тютчевых. Вечер дома. Счастье — не цель жизни».

В Италии Тютчев напомнил Жуковскому, что «счастье», конечно, не цель. Но, предполагаю, тогда же, видимо, и поймет, что без счастливого случая с его спасением не было бы нового счастливого брака. Не зазвенели бы 29 июля 1839 года их свадебные с Эрнестиной колокола. Кстати, поручителем у жениха был теперь уже посланник, тот самый «пожитой» барон Крюденер, когда-то соперник Тютчева. А в tolпе гостей почти незаметной стояла баронесса Крюденер — его Амалия...

Да, счастье не цель даже в любви. Возможно, цель — сама любовь? Во всяком случае — для истинных поэтов?

ШАРМЕР, ФИЛОСОФ ГОСТИННЫХ, ЛЮБИМЕЦ ЖЕНЩИН — ВОТ ТЮТЧЕВ, ВЕРНУВШИЙСЯ В ПЕТЕРБУРГ ПОСЛЕ ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЕЙ СЛУЖБЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ. «ЛЕВ СЕЗОНА», КАК ОКРЕСТИТ ЕГО ДРУГ ВЯЗЕМСКИЙ

Но ведь поэтом его никто особенно и не считал. И первым не считал себя поэтом сам Тютчев.

«Писание страшное зло»

Одни говорят, что он был равнодушен к своим стихам (граф Капнист подберет однажды забытое на столе после заседания одно из стихотворений его). Другие утверждают, что замыслы его были гораздо значительнее. А третий воспаряют — слишком-де был занят местом России в мире.

И, кажется, не зря воспаряют.

Дипломат, потом политик — вот как числили себя. Нет, стихи писал с юности, иногда печатал их, но значения им не придавал. Первый сборник выйдет, вообразите, когда ему исполнится 51 год, — расстарается Некрасов. А про второй и последний (за 4 года до смерти) Тютчев, дав согласие на него из «чувствия лени и безразличия», отзовется «как о весьма ненужном и весьма бесполезном издании».

*
«Нам не дано
предугадать...».
Автограф поэта.

*
Первое издание
стихотворений
Ф. Тютчева, многие из
которых легли в основу
популярных романов.

О книге и вправь появятся лишь две рецензии, а тираж не раскупят. Невероятно!

Что говорить, Пушкин, отмечая первый выпуск альманаха «Деница» и статью Киреевского, обозревавшего русскую словесность 1829 года, напишет: «Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим».

Про Тютчева — ни слова!

Да, Пушкин напечатает его стихи в «Современнике», которые доставит ему Амалия, но вновь не оценит их. Гений не заметит гения. Сам Тютчев, страстно желавший познакомить-

ся с Амалией, не сумел ее увидеть. Но это было не единственным недостатком Тютчева. Он был глуп, глупее всех, и это было очевидно для всех, кто знал его.

Шармер, философ гостиных, любимец женщин — вот Тютчев, вернувшийся в Петербург после двадцатилетней службы за границей. «Лев сезона», как почти сразу окрестит его друг Вяземский.

И снова Амалия

В 11 утра 2 октября 1844 года пароход «Николай I», на котором Тютчев с Эрнестиной и детьми прибыл в Россию, бросил якорь в Кронштадте. Родителям, робко выражавшим надежду на продолжение им дипломатического поприща, решительно отписал: «Как могли вы подумать... чтобы я, как бы ни сложились обстоятельства, покинул Россию. Будь я назначен послом в Париж... и то я поколебался бы принять это назначение... Петербург, это... русский характер, это — русская общительность». Правда, признал, что оттягивал возвращение, пока в столице не появятся две женщины: любимая дочь царя, великая княгиня Мария Николаевна, новая покровительница, и — надо ли называть имя другой? — его Амалия.

Та, которая, как пишут, уже побывала любовницей царя, а теперь «досталась» дряхлому, но еще всесильному Бенкендорфу. Она и познакомит поэта с ним, тот даже пригласит поэта в свое имение — погостить...

Словом, Тютчев оказался поэтом среди дипломатов, но ведь и «дипломатом» — среди поэтов. Мастером элитейских компромиссов.

Искал высокого покровительства, чего уж тут. Ту же великую княгиню очаровал стихами, но именно о ней и скажет, что поладил с ней, поскольку «обращался к женщине». Тем же манером «околдовал» и Марию Павловну, дочь императора Павла I. «Я три раза обедал у нее, — сообщил жене, — и один раз провел вечер». В итоге — старшая дочь поэта, двенадцатилетняя Анна, была удачно пристроена при Бранденбургском дворе. А скоро к четырем высоким покровительницам прибавится пятая — цесаревна, будущая императрица.

Надо было как-то жить — вот, кажется, единственное объяснение его светской, скажем так, ловкости. Он и жену наставлял: «Бываешь ли у графини Нессельроде? Делай это, прошу. Это для меня существенно». Нессельроде, жена его начальника, министра иностранных дел, держала «первый салон» Петербурга. Вражда ее была опасна, а дружба, по словам Модеста Корфа, «до ослепления охранительна». Мы-то знаем, она ненавидела Пушкина, терпеть не могла Лермонтова, а с Тютчевым...

«С КАКИМ НАСЛАЖДЕНИЕМ, — НАПИШЕТ ТЮТЧЕВ, — Я ШВЫРНУЛ БЫ ИМ В ЛИЦО СОДЕРЖАНИЕ, КОТОРОЕ ОНИ МНЕ ВЫПЛАЧИВАЮТ, И ОТКРЫТО ПОРВАЛ БЫ С ЭТИМ СКОПИЩЕМ КРЕТИНОВ»

⁹
Великая княгиня
Мария Николаевна
(1819–1876).

¹⁰
Неизвестный художник.
Великосветский салон
1830-е годы.

ся с Пушкиным, приедет в Петербург, увы, лишь через четыре месяца после его смерти. Но тогда же, разгневанный убийством Пушкина, напишет стихи на смерть его.

Помните: «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет!..»

Да, поэтому себя не считал. И возможно, это главная загадка его. Более того, ненавидел царапать пером по бумаге: «Ах, писание страшное зло, оно как бы второе грехопадение бедного разума». Кокетничал? Возможно, ибо до нас дошло 1250 писем его, из которых,

чевым, представьте (он ведь так смешил ее!), вполне сойдется.

Помните слова, сказанные о нем: купить его было нельзя — приобрести можно? Но чем? Может, покоем душевным, за напло которого он был готов, как признавался, отдать полжизни? Может, в этом ключ лояльности? Ведь он и про Бенкендорфа, аловещего шефа жандармов, скажет: «Это, конечно, одна из лучших натур. Добрый и честный человек...»

Всё, казалось бы, так. И страх (отголоски восстания декабристов, когда были арестованы и отправлены на каторгу десять родственников поэта: Якушкин, Ивашёв, братья Завалишины), и компромиссы увертливые, и светская ловкость.

Но была еще одна причина поиска им высоких знакомств. И она, кажется, стоила всех остальных. Я имею в виду борьбу Тютчева с Россией за — Россию. Поединок поэта со светской чернью, презиравшей все русское. Вот истинная цель его: и поэта, и политика!

Поэт политики

Какое, к черту, счастье? Тайная, роковая дузь с Европой. Он ведь лично был оскорблен словами маркиза де Кюстина: «Всегда полезно знать, что существует на свете государство, в котором немыслимо счастье, ибо по самой своей природе человек не может быть счастлив без свободы».

Тот написал это в книге «Россия в 1839 году». Тютчев же, увидев в ней взгляд «сквозь призму ненависти, помноженной на невежество», честно сказал это Бенкендорфу в течение дней, которые проведет в его имении под Ревелем. Не «лев сезона» — лев России, кишащийся защищать родину. Там же и высказывает Бенкендорфу идею личного «проекта»: вернуть через немецкие газеты общественное мнение в пользу России. Помни, что шеф жандармов в войну 1812 года командовал авангардом партизанского отряда, Тютчев хитро предлагает ему начать «партизанскую войну в тылах европейской печати». И не ошибется. Тот не только донесет идею до Николая I, но царь сам предложит Тютчеву написать об этом записку.

«Надо, — напишет в ней поэт, — завязывать прочные отношения с какой-нибудь из наиболее уважаемых газет Германии, обрести радетелей почтенных, серьезных, заставляющих публику себя слушать и двинуться... к определенной цели». К какой? Да к прославлению державы!

Первый «пиарщик», как сказали бы ныне. Царь в ответ не только выплатит ему за записку 6000 рублей (может, самый высокий горючар его!), но через год, в 1846-м, назначит главнокомандующим особых поручений при канцлере. Это было то, что нужно. Работа не требо-

вала ежедневного присутствия, позволяла ездить в Европу, получать газеты без цензурных изъятий, чего не разрешалось даже губернаторам, и наконец — давала жалование в 1500 рублей — столько зарабатывал сам обер-прокурор Сената.

Сравните: городничие получали от 300 до 450 рублей, а чиновники вообще 60, 80 рублей в год. Впрочем, Эрикстин и эти деньги назовет «нищенскими». Немка, что с нее возьмешь??

Был поэтому, но связан несвязуемое — «поэтом политики».

Слезы о Севастополе

В Кронштадте он вступил на родную землю навсегда. А ровно через 10 лет, когда грянет Крымская война, вдруг язвительно предсказывает: «Я жду прибытия в Кронштадт милых англичан и французов с их 4 тысячами орудий и всеми изобретениями современной филантропии, каковы удущливые бомбы и прочие замечательные вещи».

Когда же флот врага и впремя встанет в

* 11
Е. Шипицова.
Иллюстрация к
стихотворению «Люблю
грозу в начале мая...»

ТРУДНО ПОВЕРИТЬ, НО ПОСЛЕ ТРЕТЬЕГО ИНСУЛЬТА ОН, ВДРУГ
ОЧНУВШИСЬ И ОБВЕДЯ ВСЕХ ГЛАЗАМИ, ПЕРВЫМ ДЕЛОМ СПРОСИЛ:
«КАКИЕ ПОЛУЧЕНЫ ПОДРОБНОСТИ О ВЗЯТИИ ХИВЫ?..»

*12
Англо-французский
флот. Высадка
экспедиционной армии
в Крыму. 1854 год.

*13
Ф. Рубо. Оборона
Севастополя.
1854–1855 годы.

виду Кронштадта, он, как мальчишка, кинется на залив. «На петергофском молу, — пишет, — смотря в сторону заходящего солнца, я сказал себе, что там, в 15 верстах от дворца русского императора, стоит самый снаряженный флот, что это весь Запад пришел выказать свое отрицание России и преградить ей путь к будущему».

«Теперь тебе не до стихов, о слово русское, родное!» — пишет в стихах. Какие уж тут стихи: 100 000 русских юношей унесет война, и, узнав о поражении, Тютчев, говорят, в голос разрыдаются. «О, негоды!» — яростно пишет о «высшем обществе», которое радовалось поражению России.

Он плакал, что пал Севастополь, а Нессельроде (канцлер России!) поздравлял друзей с вновь открывшейся возможностью отдыха в Италии и развлекаться в Париже.

«С каким (наслаждением), — пишет Тютчев, — я швырнул бы им в лицо содержание, которое они мне выплачивают, и открыто порвали бы с этим сконищем кретинов». Кстати, именно тогда, за сто лет до советских идеологов, он называет Запад «гнилым». Метафоры не умирают. Он и слово «оттепель» пустит в оборот за столетие до Еренбурга. Так окрестят первые годы после смерти Николая I. И напишет: «В истории общества существует роковой закон. Великие кризисы наступают не тогда, когда беззаконие доведено до предела, а при первой робкой попытке возврата к добру. Тогда Людовики XVI и расплачиваются за Людовиков XV и XIV-х»...

Знал, знал, чем кончаются «оттепели» да «перестройки»...

Командир слов-жемчужин

Он никем за свою жизнь не командовал — ни русскими армиями, на положение которых случалось, влизя, ни дворцовыми интригами, хотя был принят при дворах, ни подчиненными дипломатами, ни даже многочисленными детьми от разных жен. Он «командовал» словами — вот и рядовые, и дипломаты, и дети его «Остроумные, нежные, колкие, добрые слова, точно жемчужины, небрежно скатывались с его уст, — вспоминал беллетрист, граф Владимир Соллогуб. — Он был едва ли не самым светским человеком в России... Ему были нужны, как воздух, каждый вечер яркий свет люстр и ламп, веселое шуршанье дорогих женских пальто, говор и смех хорошеных женщин».

Его, «жемчужеуста», нарасхват знали изысканные салоны, высокие чины, за них веерницей ходили дамы и ловили любое слово его. Что с того, что за разговорами он забывал поесть (как-то еще в Германии упал в обморок из-за того, что не ел три дня), что был непрактичен, что, витая в небесах, вечно ходил лохматым, что вдовствующей императрице трижды по рассеянности забудет принести обещанную книжку! Зато его любили так, что сам посол в Мюнхене, где бедствовал когда-то Тютчев, предлагал министру увеличить ему жалованье за счет, представьте, своей зарплаты. А женщины? Надо ли говорить, как любили они его? И не за то, что «любил любовь», — за вечный повод женской любви: за остроумие, иронию, насмешку.

Жаль, что великие остроты умирают вместе с великими остряками. Впрочем, иные колкости Тютчева до нас, к счастью, дошли. Он острый, например, что Нессельроде, прямой начальник его, напоминает ему египетских богов, которые скрывались в овощах: «Чувствуешь, что внутри бог, но не видно ничего,

какоме овоща... Острота? Да нет, почти издавательство! Князя Горчакова, друга, сменившего Нессельроде на посту министра, окрестил «нарциссом собственной чернильницы». А минутные увлечения свои весело звал «vasильковыми дурачествами». Эта шутка, говорит, так понравилась при дворе, что ее позанимствовал сам Николай I, большой, кстати, ходок по женской части.

Прощальный поцелуй прошлого

Разочарованный чаровник, Тютчев, становится членом-корреспондентом Академии наук по отделению словесности, председателем Комитета иностранной цензуры. Вновь соединит в себе несоединимое: цензор и поэт. Но когда Горчаков, ставший канцлером, предложит ему возглавить журнал, поэт ответит, что «может писать только вещи, которые говорить нельзя...»

Душа цензуры не принимала. Он по-прежнему ездил на балы и приемы — театр для себя — обожал смех женщин, споры мужчин и блеск в глазах и тех, и других. Только теперь его сравнивали, ни много, ни мало, с самим светом. Юный тогда князь Сергей Волконский напишет: «Я помню всклокоченного седого старика с золотыми очками. Как его встреча-

ли, когда он входил! Встречали, как встречают свет...»

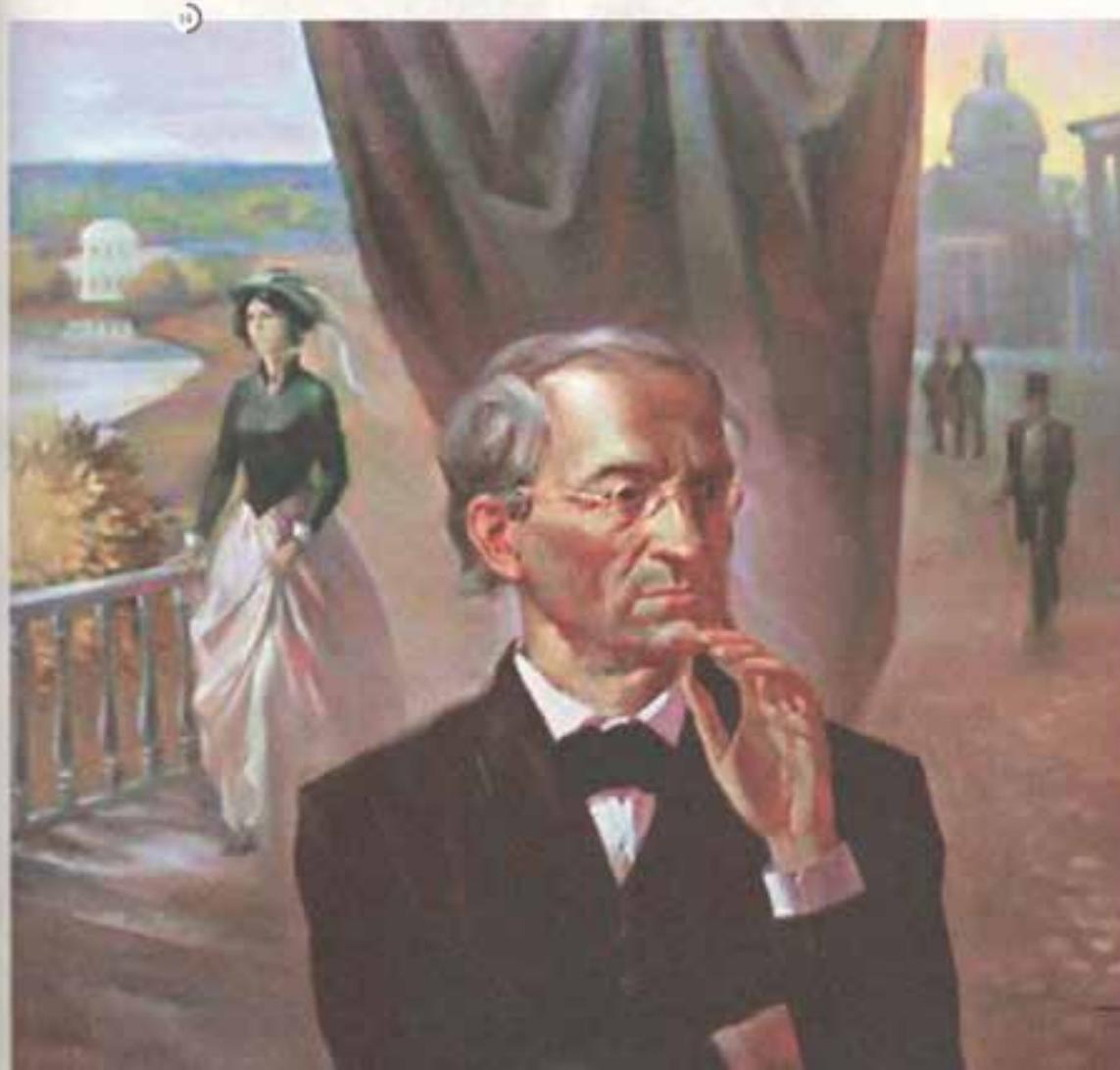
Но его небесный свет, его «время золотое» напоминает о себе в Карлсбаде, когда ему стукнет шестьдесят шесть.

Там, на водах, старый и больной, он вновь увидит свою Амалию, теперь жену филиппского губернатора графа Адлерберга. Тогда и родятся дивные строки, известные ныне каждому: «Я встретил Вас — и всё былое...» Что рядом с этой любовью его балы, рауты, протекции, галуны на мундире, золоченые кареты камергера, даже страшный перепут — какое-то опоздание на завтрак к самой императрице?

Что рядом с этим были расстояния и годы, пространство и время — вечность и бесконечность?

«В ее лице, — успеет написать про Амалию, — прошлое лучших моих лет явилось дать мне прощальный поцелуй»...

Верен себе оставался до последних минут. Трудно поверить, но после третьего инсульта, когда священник прочел уже «отходную», он вдруг, очнувшись и обведя всех глазами, первым делом спросил: «Какие получены подробности о взятии Хивы?..» Словно там, на небесах, ему предстояло не каляться в грехах, а по меньшей мере — делать ответственный доклад о последних событиях — о победах любимой державы!

* 14
А. Осипенко.
Федор Тютчев.
2002 год.

Последними словами «командира слов» станут три слова: «Я исчезаю, исчезаю!..» Изумленный, изумлявший, изумляющий нас доныне поэт как-то признался: «Я не знаю никого, кто был менее, чем я, достоин любви. Поэтому когда я становился объектом чьей-нибудь любви, это всегда меня изумляло...» Удивительно, но свидетели его кончины под утро — как и предсказали! — подтверждают: он умер с лицом, полным изумления.